

УДК 82-311.3

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-1-91-99

**РОБИНЗОНАДА В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ:
ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ И ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ****А. Ф. Мышкина, Ю. Н. Исаев***Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Статья посвящена актуальной для чувашской литературоведческой науки проблеме – раскрытию поджанра робинзонады в чувашской приключенческой прозе. Авторы статьи, проводя сравнительный анализ произведений русской и чувашской литератур, выявляют особенности и черты чувашской робинзонады, тяготеющей к классической форме. В силу внешних обстоятельств (географических особенностей места проживания, вида деятельности и т. д.) робинзонада чужда художественно-эстетическому и философскому мировоззрению чувашского народа. Однако существенные элементы ее поэтики (тема выживания, мотив странствия, психология противостояния внешним природным угрозам и приспособление к ним и т. д.) находят свое выражение и в чувашской литературе путешествий. **Цель статьи** – выявить жанро- и сюжетообразующие особенности робинзонады в чувашской литературе. **Материалы и методы.** Материалами исследования стали повести Федора Уяра «Где ты, море?» и Николая Внукова «Один», которых объединяет тема выживания человека в дикой природе. Методами исследования выступают биографический, структурный методы, метод сравнительного и теоретического анализа. **Заключение.** Авторы исследования приходят к выводу о том, что мировая классическая робинзонада имеет типичную схему построения сюжета: кораблекрушение – изоляция на острове – выживание – возвращение домой. При этом для чувашской робинзонады характерна сокращенная схема построения сюжета: изоляция в безлюдном месте – выживание – возвращение в социум. Чувашская художественная словесность приспособливает поэтические особенности робинзонады к своим эстетическим традициям. В частности, к художественно-психологическому раскрытию характера героя, художественно-философскому познанию жизни и духовных ценностей.

Ключевые слова: чувашская литература, приключенческая проза, робинзонада, чувашская робинзонада, выживание, взросление

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мышкина А. Ф., Исаев Ю. Н. Робинзонада в русской и чувашской литературах: жанрообразующие признаки и особенности сюжетосложения // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 1. С. 91–99. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-1-91-99>

**ROBINSONADE IN RUSSIAN AND CHUVASH LITERATURE:
GENRE-FORMING SIGNS AND FEATURES OF PLOT COMPOSITION****A. F. Myshkina, Yu. N. Isaev***Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russian Federation*

Abstract. Introduction. The article is devoted to a topical problem for Chuvash literary studies – the disclosure of the Robinsonade subgenre in Chuvash adventure prose. The authors of the article, conducting a comparative analysis of works of Russian and Chuvash literature, identify the features and traits of the Chuvash Robinsonade, which tends to the classical form. Due to external circumstances (geographical features of the place of residence, type of activity, etc.), Robinsonade is alien to the aesthetic and philosophical worldview of the Chuvash people. However, essential elements of its poetics (the theme of survival, the motive of wandering, the psychology of confronting external natural threats and adapting to them, etc.) find their expression in Chuvash travel literature. **The purpose** of the article is to identify the genre- and plot-forming features of Robinsonade in Chuvash literature. **Materials and methods.** The research materials were the stories of Fyodor Uyar “Where are you, sea?” and Nikolai Vnukov “Alone”, who are united by the theme of human survival in the wild. The research methods are biographical, structural methods, comparative and theoretical analysis. **Conclusion.** The authors of the study come to the conclusion that the world classic Robinsonade has a typical plot structure: shipwreck – isolation on the island – survival – return home. At the same time, the Chuvash Robinsonade is characterized by an abbreviated plot structure: isolation in a deserted place – survival – return to society.

Chuvash artistic literature adapts the poetic features of Robinsonade to its aesthetic traditions. In particular, to the artistic and psychological revelation of the character of the hero, the artistic and philosophical knowledge of life and spiritual values.

Keywords: Chuvash literature, adventure prose, Robinsonade, Chuvash Robinsonade, survival, growing up

The authors declare no conflict of interest.

For citation: *Myshkina A. F., Isaev Yu. N.* Robinsonade in Russian and Chuvash literature: genre-forming signs and features of plot composition. *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 91–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-1-91-99>

Введение

Исконно робинзонадами называли повествования о морских путешествиях. Классическая робинзонада, как поджанр приключенческой литературы, достаточно хорошо разработана как в мировой, так и в русской литературах. В то же время для чувашской художественной словесности она абсолютно чужда. Это, возможно, объясняется тем, что основное место обитания чувашей является материк, расположенный в достаточном удалении от морей и океанов, и романтика морских приключений им не совсем понятна. Тем не менее некоторые черты робинзонады все же находят свое выражение в чувашской приключенческой прозе, в частности, в литературе о наземных путешествиях по незнакомым местам своей страны.

Жанр робинзонады, который выступает как «самостоятельный литературный жанр, описывающий жизнь героя в изоляции (как правило, на острове) в результате катастрофы (чаще – кораблекрушения)» [1, с. 136], в мировой культуре зародился в английской литературе благодаря опубликованному в 1719 году роману Даниэля Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо». В современной литературоведческой науке именно роман Д. Дефо считается образцовым произведением робинзонады. Однако, как отмечают исследователи робинзонады, роман «Жизнь и приключения Робинзона Крузо» возник не на пустом месте – до него существовали «преробинзонады» или «ранние произведения» [2, с. 113; 1, с. 136]. Так, «основная сюжетная ситуация преробинзонад – изоляция человека от других людей, причем место действия тоже должно быть изолированным (поэтому и выбирается остров), и там герой в одиночестве создает свою рукопись в форме дневника или мемуаров; кроме того, изоляция эта редко происходит по собственной воле, а чаще в результате катастрофы» [1, с. 137].

Анализ подобных произведений позволяет выявить несколько характерных черт их жанровой структуры. Во-первых, они имеют устойчивую схему построения сюжета: катастрофа (кораблекрушение) – изоляция (безлюдное место, остров) – выживание на острове (или в ином замкнутом пространстве) – возвращение в социум. Следует отметить, условия жизни на таком острове благоприятны и не требуют от литературного героя каких-то больших усилий для выживания: здесь мягкий климат, достаточно животных и съедобных растений, природных материалов для построения жилища и т. д. Во-вторых, «субъектно-речевая структура робинзонады включает особые композиционно-речевые формы – описания флоры и фауны, а также климата, географического расположения того места, где оказался герой, который, как правило, является основным субъектом речи» [3, с. 169–170]. И все это используется с единственной целью – убедить в достоверности рассказанной истории и приключений героя.

В числе особенностей робинзонады исследователи называют и такую структуру повествования, как смешанный нарратив. Так, «по мнению Л. Джеймса, робинзонадный нарратив включает в себя псевдодокументальные фрагменты, истории о чудесных путешествиях, религиозные размышления, а также “руководство по самостоятельному изготовлению” вещей» [4, с. 238]. А в работах Е. Ю. Козьминой формируется мысль о том, что робинзонада в современном ее понимании появилась как результат сочетания авантюрного сюжета с особыми композиционно-речевыми формами – географическими описаниями, подобными тем, что встречаются в записках мореплавателей и путешественников [1]. Здесь, вероятно, уместно также вспомнить и слова Ф. Моретти, который, говоря о новых формах в литературе (сюжетах, жанрах), особо подчеркнул,

что они «появляются не просто потому, что талантливые писатели их “придумывают”, а вследствие слияния одних форм с другими и адаптации старых форм к новым политическим и социальным пространствам» [5, с. 78]. Все это говорит о том, что робинзоада разных эпох и разных народов имеет свои специфические особенности.

Так, в современной русской литературоведческой науке выделяют, во-первых, такую разновидность как «поджанр “дальневосточных робинзоад”, или “дневников путешествий”, который относят в целом к “дальневосточной героике и романтике” (например, “Дерсу Узала” В. Арсеньева или “Последний костёр” Г. Федосеева)» [6, с. 94] и, во-вторых, схожую поэтику романа-идиллии и робинзоады: «с образом Робинзона соотносятся многие герои романа-идиллии, однако у каждого из них робинзоада была своей. Деда и бабушку сближает с героем Дефо, прежде всего, отношение к жизни как к безусловной ценности» [7, с. 45]. К тому же роман-идиллию Чудакова исследователи называют «“интеллигентской робинзоадой” (Д. Харитонов), “советской робинзоадой” (П. Вайль)» [7, с. 39]. В подобных произведениях сюжетная схема робинзоады (кораблекрушение – изоляция – выживание – возвращение) представлена частично или отсутствует, но при этом ярко проявляются определенные элементы робинзоады: стремление выжить в экстремальных природных ситуациях, изменение (взросление) после пережитого, изменение отношения к жизни и духовным ценностям и т. д.

Учитывая жанрово-стилевые признаки робинзоады, ее принято относить или к приключенческой, или к авантюрной литературе. В энциклопедических словарях, к примеру, ее причисляют к жанру авантюрной литературы: «Робинзоада – один из самых популярных жанров авантюрной литературы»¹. В учебном пособии Н. Д. Тамарченко и Л. Е. Стрельцовой она рассматривается как разновидность приключенческой литературы. При этом отвергается самостоятельность жанра робинзоады: «Зачастую робинзоада рассмат-

ривается как самостоятельный литературный жанр. Оснований для этого достаточно – это и устойчивые структурные признаки, и собственное имя – «робинзоада», которое появилось в 1798 году <...>, и огромное количество подражаний и пародий <...>. Однако, как показывают исследования, робинзоада все же не отдельный жанр, а один из четырех вариантов географического романа приключений»².

Материалы исследования

В мировой литературе выделяют классическую (сказанное нами выше характеризует именно ее) и фантастическую робинзоады [3; 4; 8; 9; 10; 11]. В рамках данной статьи мы хотим изучить повести чувашского писателя Федора Уяра «Где ты, море?» и русского автора Николая Внукова «Один», которые по жанровым признакам уместно отнести к классическому варианту робинзоады.

И первое, на что следует обратить внимание, – в основе обеих повестей лежит документальная, жизненная история. Так, повесть Николая Внукова повествует историю из жизни четырнадцатилетнего паренька Александра Барабанова, проживавшего с отцом в поселке одной из океанологических станций Дальнего Востока, и ставшего прототипом литературного героя Саши Бараша. Как писал сам писатель во вступлении к первой публикации повести в журнале «Аврора» в 1982 году³, впервые историю Барабанова он прочел в газете «Тихоокеанский комсомолец» в 1977 году, а позже услышал ее от самого парня, который 40 дней прожил один на небольшом необитаемом острове. Как мы отмечали ранее [12], и сюжет повести Федора Уяра опосредованно связана с жизнью самого писателя, в частности, его путешествиями по Дальневосточному региону, Сахалину, Сибири, начиная с 1930-х годов. В чувашском литературоведении (Ю. М. Артемьев, Г. И. Федоров) жанр повести «Где ты, море?» характеризуют как автобиографический. Главной причиной такого определения стало то, что именно путешествие по Дальнему Востоку дало толчок написанию повести «Где ты, море?»: «Автор рассказал о выстраданных им событиях,

¹ Аникст А. Робинзоада // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. 9. Стб. 719; Николюкин А. Н. Робинзоада // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 881–882.

² Тамарченко Н. Д., Стрельцова Л. Е. Путешествие в «чужую» страну. Литература путешествий и приключений. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 175–181.

³ Внуков Н. А. Один на один // Аврора. 1982. №№ 5–6.

оставивших в душе глубокий след. Отсюда и пронзительная правда изображаемого, точность деталей, исповедально-доверительный тон повествования» [13, с. 131].

Обсуждение и результаты

В классическом варианте робинзонады причина начала путешествия героев определяется их личными мотивами и желаниями. Героев произведений Н. Внукова и Ф. Уяра в море и в дорогу позвала романтика. «А ведь всё книги! С каким восторгом глотал я страницу за страницей этого несчастного “Робинзона Крузо” и толстого “Таинственного острова”, как мечтал сам оказаться на необитаемом клочке суши посреди океана!»¹, – иронизирует над собой Саша Бараш, попав на необитаемый остров. Как бы в унисон ему размышляет и Педер, герой повести Ф. Уяра: «Все тайга, тайга и тайга. Каждый день, в каждом слове. Я увлекался “охотничьей литературой”»² (Уяр, с. 6). И мотивы обоих героев одинаковы – испытать судьбу, доказать свою силу и ум: «Не терпелось испытать судьбу. Хотелось понять себя» (Уяр, с. 6); «Мне казалось, что я-то не пропаду, оставшись один на один с природой, что ловко буду находить выходы из разных трудных положений и многое сумею сделать даже лучше, чем делали герои книг» (Внуков).

Тем не менее сюжетная схема робинзонады в этих повестях разная. Так, если у Н. Внукова схема робинзонады сохранена полностью – героя смыкает с катера в море, он попадает на остров, обустроивает свое жилье, добывает пищу для выживания, его находят, и он возвращается домой, то у Ф. Уяра она отсутствует – и лишь небольшой отрывок произведения условно укладывается в эту схему: Педер отстает от своего друга Амикана, блуждает по тайге, учится выживать, его спасают. И по времени, когда герой находится один на один с дикой природой и делает все для своего выживания, существенная разница – Бараш выживает целых сорок дней, Педер лишь пару суток.

¹ Внуков Н. А. Один. СПб.: Речь, 2017. 223 с. URL: https://royallib.com/read/vnukov_nikolay/odin.html#0 (дата обращения: 11.12.2024). Далее ссылки в тексте на это издание в круглых скобках с указанием фамилии автора.

² Уяр Ф. Е. Дороги дальние и близкие: Повести, путевые очерки. Перевод с чувашского. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 256 с. Далее ссылки в тексте на это издание в круглых скобках с указанием фамилии автора и страницы.

Герои повестей «Один» и «Где ты, море?» мальчишки приблизительно одного возраста, 13–14 лет. Вследствие этого им присуще одинаковое мировоззрение, которое выражается как в их легкомыслии, так и в открытии для самих себя мудрости жизни. Так, и Бараш, и Педер в начале своего приключения жизнь вдалеке от других людей, в дикой природе воспринимают как легкую прогулку. «Не помню, в какое время мы договорились пойти в тайгу, но уже сидим, спорим, что брать с собой в дорогу. Я уверен, что нам ничего не понадобится. Дойти бы сначала до тайги, там видно будет. Не пропадем, придумаем что-нибудь. В конце концов, это даже неинтересно, если у нас все будет под рукой» (Уяр, с. 8), – рассуждает Педер. И мысли Саши Бараш не менее романтичны: «Помню, когда мы оказались в архипелаге этих уютных на вид обломков суши, у меня вдруг мелькнула мысль ночью, незаметно от всех, прыгнуть за борт и саженками поплыть к одному из островов. “Давай! – толкало меня изнутри. – Это единственная возможность, больше такой никогда не будет! И получится такое приключение, которое будешь вспоминать всю жизнь. Давай!”» (Внуков). Однако преодолевая трудности и борясь за собственную жизнь, они, вероятно, открывают для самих себя самую большую истину: «Возвращаться в тайге обратно – верная смерть. – Похоже, и это он слышал от взрослых. – Что остается позади? Могилы умерших родственников, пастбища без корма для оленей, лес, в котором поредели звери. Если человек хочет выжить, он идет в тайге только вперед. И для нас другой дороги нет» (Уяр, с. 31); «Право... Нам в школе рассказывали о правах человека. Право на труд, право на учебу, право на отдых... Но все это – когда ты находишься среди людей. А вот если человек совсем один, как я сейчас? Есть ли у него какое-нибудь право и что это за право? Права завоевывают. Что мне нужно завоевать? Остров? А для чего он мне? Разве чтобы прокормиться – копать саранки, добывать мидий у скал, пить воду из источников. Это для того, чтобы жить. Значит, природой мне дано право на жизнь. И природа может в любой момент отнять у меня это право. Очень просто: заустит вот такой дождь дней на десять, и я отдам концы от голода и от холода. Выходит, и здесь мне надо завоевывать право на жизнь».

У острова. У дождя. У этих деревьев» (Внуков). Лишь переживая боль, отчаяние, голод и холод и Педер, и Саша Бараш начинают осознавать самый важный закон природы: выживает сильнейший. Борьба за жизнь для них превращается борьбу с дикой природой за еду, крышу над головой – ночлег, безопасность. Наиболее четко эта мысль сформулирована в повести «Один»: *«Мне всегда казалось, что, если вокруг не будет людей, не будет радио, книг, телевизора, кино, я просто сойду с ума от скуки. Но вот уже девять дней, а не то что скучать – даже вспоминать о кино и телевизоре не приходилось. Все время я чем-то занят, что-то изобретаю, что-то строю, и не какие-нибудь пустяки, а то, от чего зависит, останусь я жив или помру от голода и холода»* (Внуков).

О наличии связи повестей Н. Внукова и Ф. Уяра с поэтикой робинзонады говорят сами авторы на страницах произведений. Упоминание о книге Д. Дефо, о героях романов Жюль Верна, а также сравнение себя или каких-то обстоятельств с Робинзоном особенно часто встречается в повести «Один». Проводя такую параллель, писатель как бы утверждает мысль – образ Саши Бараша воплощает в себе современного Робинзона: *«В голову лезла всякая чушь. Я думал, например, о том, что Робинзону достался очень неплохой остров. <...> Там вообще не было зимы. Вечное лето! Кроме того, у Робинзона имелись ножи, топоры, ружья и порох, которые он добыл с корабля, севшего на мель. И одежды у него было навалом. Он не дрожал так, как сейчас дрожу я. А ведь когда-то и я мечтал о необитаемом острове. Очень хотел пожить, как Робинзон, без всяких родителей, школ, улиц, друзей. <...> Неужели все кончится так быстро и неожиданно, как началось? <...> Мне – честное слово! – даже захотелось убежать в глубь острова, в кусты, забиться в ту холодную, пахнущую плесенью пещеру, подождать, пока они ходят по острову, а потом, когда катер отвалит, выйти и снова начать жизнь Робинзона. <...> Это была моя третья ночь на острове, и, чтобы не потерять счет дням, я выстругал из дощечки палочку и сделал календарь – совсем как у Робинзона»* (Внуков). В повести «Где ты, море?» подобного частого обращения к образу Робинзона нет. Тем не менее можно выделить два упоминания, которые хоть очень косвенно, но связывают

повествование и сюжет повести Ф. Уяра с романом Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо»: *«Времена робинзонов давно прошли. Скорее всего, он вышел в путь из чистого любопытства, желая как можно больше увидеть, узнать»* (Уяр, с. 14); *«Я бесильно опускаюсь на траву. Ну и влип! Какие там робинзоны – ротозеи! Полгода собирались в путь, а растеряли все снаряжение за десять дней. Какие же мы после этого путешественники?»* (Уяр, с. 23).

Главной темой анализируемых нами повестей является выживание, в первую очередь физическое выживание, человека в дикой природе. И как видно из сюжетов повестей, большую трудность в этом вопросе пришлось преодолеть чувашскому пареньку Педеру: *«Амикан, наблюдавший за ним, подумал: “Он именно сейчас должен взять себя в руки, если не хочет умереть с голоду. Надо научиться искать ягоды, есть сырое мясо. В городе под прикрытием других всяк может прожить. Здесь же побеждают только сильные, помни об этом, дружище”»* (Уяр, с. 39). Педер не привык жить на «подножном корме» и таежная жизнь для него оказалась неподъемной ношей, в отличие от его друга эвенка Амикана. Саша Бараш также был не подготовлен к жизни в экстремальных природных условиях, но, попав на необитаемый остров, он сумел применить все свои знания (все, о чем читал, о чем рассказывал отец) для выживания. Поэтому парнишка и ягоды с корнеплодами собирал, и моллюсков ловил, и яйца чаек пил: *«Не маленький – четырнадцать лет. Сколько книжек перечитал о разных приключениях! Вот и попробую применить знания, которые получил из этих книжек. <...> Я нацупал за пазухой саранку и сунул ее в рот. Мучнистая луковка с хрустом рассыпалась на зубах. <...> Теперь я уже не обращал внимания на крики, хлопанье крыльев и карусель, которую они затевали надо мной. Я ни черта не боялся. Дело шло о жизни. Это был мой бой. Это было мое право – право сильного грабить их гнезда»* (Внуков).

Естественно, Педер и Саша Бараш находились в разных условиях: первый в тайге, из которой самому можно выбраться к людям, второй на необитаемом острове, из которого нельзя выбраться без помощи с материка. И время их пребывания в «отшельничестве» разное – поэтому

и использование своих знаний и умений у них разное. У Педера, кажется, нет таких знаний, которые были бы значимыми в экстремальных условиях. Он очень пассивно использует свои знания, которые, кажется, ему не сильно и нужны: *«И огонь могли разжечь, когда были вместе. Почему Амикан не захотел это сделать? Или он тоже забыл? С другой стороны, Педер и сам мог бы напомнить ему: он ведь не раз читал, что если тереть дерево о дерево, можно добыть огонь. Но никогда не думал, что самому придется этим заниматься»* (Уяр, с. 46). Совершенно по-другому обстоят дела у Саши Бараша. С первой минуты на острове он мобилизовал свои знания и умения, понимая, что понадеявшись он может только на самого себя: *«Потом вдруг вспомнил, что видел в одной книжке по древней истории картинку: косматый человек, одетый в шкуру, склонился над доской, которую он придерживает ногой. <...> Человек двигает лук взад-вперед, тетива быстро крутит палочку в ямке нижней дощечки, и в ней возникает огонь»; «Вот дом, который я построил своими руками. Вот огонь, который я добыл без всяких спичек. Вот мидии, которых я наловил. Вот удочки. Я сам сообразил, из чего их сделать»* (Внуков).

Пережив трудности и лишения, герои Ф. Уяра и Н. Внукова выводят сами для себя определенную «формулу выживания», напрямую зависящую от места, в котором они очутились. Так, Педер из «Где ты, море?» познает законы тайги: *«Об этом мы говорим не впервые. Таежник не умрет в лесу от голода даже с голыми руками. Здесь тьма-тьмуца разных зверей и зверюшек, растений. Амикан и мне советует есть сырое мясо. А я не могу. “Европеец”, как-никак»* (Уяр, с. 31). «Формула выживания» Саши Бараша более философична: *«За эти дни я понял, что самое главное – не пугаться трудностей и не раскисать. Сказать себе, что все – пустяки, бывает и хуже, и из всякого вроде бы безвыходного положения обязательно найдется какой-нибудь выход. Если, конечно, умеешь кое-что и голова у тебя существует не только для прически»; «...и еще одно понял – что судьбу мне никто не принесет на тарелочке и не сунет под нос: “На, возьми, пожалуйста!”». Я сам должен делать эту самую судьбу, и только от меня зависит, останусь я жив или опушу руки и тихо загнусь от отчаяния»* (Внуков). Вместе с тем

у этой формулы есть общий знаменатель, к которому приходят оба героя – употреблять в пищу все то, что съедобно: *«Я давно привык ко всякой сырой еде. Пробовал такое, до чего дома никогда не дотронулся бы. Спокойно ел сырых мидий, и они мне нравились – солоноватые, пахнущие сыростью, слегка напоминающие грибы. Иногда в бухте попадались креветки. <...> Несколько раз находил больших рапан»* (Внуков). Так, как видно из сюжета повести «Где ты, море?», если в начале путешествия Педер не может есть сырое мясо, оставшись один на один с суровой тайгой, он пересиливает себя и начинает его употреблять. А для Бараша этот вопрос вообще не стоял – иного способа выживания он изначально не видел.

Произведения Ф. Уяра и Н. Внукова не только о выживании человека в дикой природе, но и о взрослении. Выдержав все испытания, и Педер, и Саша Бараш изменили свое отношение к жизни, поняли главную ее ценность. Приключения в тайге и на острове для них стало испытанием на стойкость. И самое важное свое такое сиоми-нутное взросление хорошо ощутили оба героя. В повести Ф. Уяра эти мысли стали эпилогом произведения: *«Педер идет рядом с Амиканом и вспоминает мальчика с таким же, как у него, именем. Когда-то они были очень похожи, даже мысли у них были одинаковые. А однажды вместе вышли в путь, и один из них, тот, другой, не выдержал тягот дороги, остался на полпути. Этот же продолжал идти. Его обмывали дожди: на вершинах сопок высушивал ветер, обогривало солнце на открытых полянах. Он шел все дальше и дальше, шел так долго, что ему показалось: прошли сотни лет. Иначе почему бы он так изменился, так повзрослел? Педер с доброй, понимающей улыбкой оглядывается на себя вчерашнего и зорько смотрит вперед, где его ждет целая жизнь»* (Уяр, с. 56). В повести «Один» Н. Внукова изображение изменений Саши из беззаботного мальчугана, можно сказать, во взрослого четырнадцатилетнего мужчину происходит постепенно. Сначала автор показывает его физическое изменение: *«...мне не пришлось видеть себя. <...> Я только на ощупь понимал, что волосы у меня отросли до плеч, тело стало худым и жилистым <...> А тут из глубины воды на меня глянуло худое лицо с очень большими глазами, провалившимися щеками*

и острым треугольным подбородком. Волосы висели слипшимися прядями, как у девочек после купания. На выступах скул чернели царпины и какие-то струпы. Я поднял руку, чтобы отбросить мешавшие космы, и увидел, какими тонкими и длинными стали пальцы, а у запястья рука была похожа на сухой сучок. Долго всматривался я в свое отражение, поворачивая голову то вправо, то влево и вспоминая, как я выглядел дома. Но ничего не вспомнил, кроме круглого мальчишеского лица и гладкой, короткой прически. Теперь же я стал похож не на мальчишку, а на взрослого первобытного охотника» (Внуков). Потом – изменения в его отношении к окружающим людям: «Ну почему человек такой дурак, что в тринадцать, четырнадцать или пятнадцать лет считает, что он уже все знает и все может преодолеть собственными силами, только взрослые ему мешают. А знаний-то у него – кукушкины слезки... Я сам таким был. Еще совсем недавно мне казалось, что наши учителя уже устарели, что они могут долбить только то, что вызубрили когда-то очень давно, и не понимают наших стремлений и нашей жизни» (Внуков). И уже в третью очередь автор показывает изменения сущности, всего мировоззрения своего героя: «Как все переменялось во мне на острове! Пришли совсем другие понятия и мысли. И сам я, наверное, стал другим...» (Внуков).

Заключение

Таким образом, появлению робинзонады в русской и чувашской литературах способствовало

несколько явлений. И в первую очередь, это, естественно, влияние поэтики романа «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо на творчество писателей. Существенным фактом отечественной робинзонады стала, с одной стороны, документальная основа истории, лежащей в основе повествования произведений (в нашем исследовании, в русской литературе), а с другой стороны, страсть самого писателя к странствиям (в чувашской литературе). Не менее значима и схема построения сюжета, типичная форма которой выработана в мировой классической робинзонаде (у Д. Дефо): кораблекрушение – изоляция на острове – выживание – возвращение домой. Так, русская робинзонада (повесть Н. Внукова) полностью придерживается классической схемы построения сюжета. В то время как чувашская робинзонада реализует в себе лишь сокращенную схему построения сюжета: изоляция в безлюдном месте – выживание – возвращение в социум. Подобная схема наиболее четко вычерчивается в приключенческой повести чувашского прозаика Ф. Уяра. Более того, чувашская художественная словесность приспособливает поэтические особенности робинзонады к своим эстетическим традициям. В частности, к художественно-психологическому раскрытию характера героя, художественно-философскому познанию жизни и духовных ценностей. Наряду с этим как в русской, так и в чувашской литературе робинзонада становится произведением воспитания (становления, взросления) несовершеннолетнего героя.

1. Козьмина Е. Ю. Робинзонада как разновидность географического романа приключений // Вестник Брянского университета. 2016. № 4 (30). С. 136–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/robinzonada-kak-raznovidnost-geograficheskogo-romana-priklyucheniya> (дата обращения: 05.12.2024).

2. Волков А. Р., Попов Ю. И. Русские робинзонады XIX века // Вопросы русской литературы. Львов : Вища школа, 1987. Вып. 2 (50). С. 112–119.

3. Козьмина Е. Ю. Инвариант фантастической робинзонады // Научный диалог. 2017. № 8. С. 169–178. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-169-178>

4. Козьмина Е. Ю. Жанр робинзонады в авантюрно-философской фантастике XX века («Туннель в небе» Р. Хайнлайна) // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 237–247. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30738587> (дата обращения: 06.12.2024).

5. Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели ; под науч. ред. И. Кушнарера. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 352 с.

6. Комарова Е. В. Дальневосточная художественная литература как источник изучения этнических культур // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2023. № 1 (98). С. 92–100. URL: <https://elibrary.ru/znenmg> (дата обращения: 05.12.2024).

7. Гордеева Е. М. Роман-идиллия А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» как современная робинзонада // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 3. С. 38–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-idilliya-a-p-chudakova-lozhitsya-mgla-na-starye-stupeni-kak-sovremennaya-robinzonada> (дата обращения: 05.12.2024).

8. Гончарова В. Д. Фантастический вариант сюжета «робинзоны» в повести С. Лукьяненко «Рыцари сорока островов» // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сб. ст. по материалам СССХII международной науч.-практ. конференции. М., 2023. С. 56–61.

9. Козмина Е. Ю. Фантастический вариант романа-робинзоны // Школа теоретической поэтики : сб. науч. трудов к 70-летию Натана Давидовича Тмарченко / ред.-сост. В. И. Тюпа, О. В. Федунина. М., 2010. С. 214–223.

10. Литвиненко Н. А. «Робинзоны» в романе Робера Мерля «Мальвиль» // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе : межвузовский сб. науч. трудов / Московский государственный областной университет. М., 2015. С. 67–76. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=vdlaoor> (дата обращения: 06.12.2024).

11. Харламов А. В. Влияние «Робинзон Крузо» Дефо на творчество Стругацких («Обитаемый остров», «Мальш», «Парень из преисподней») // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы VIII Всероссийской студенческой науч.-практ. конф. с международ. участием. Новосибирск, 2019. С. 138–139.

12. Исаев Ю. Н., Мышкина А. Ф. «Универсальная тема» и «бродячий сюжет» в литературе: некоторые размышления о заимствованиях и оригинальности национальной литературы // Развитие образования. 2023. Т. 6. № 2. С. 29–37. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-107168>

13. История чувашской литературы XX века. Часть 2 (1956–2000 годы) : коллективная монография / отв. ред. А. Ф. Мышкина. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 17.02.2025 г.; принята к публикации 14.03.2025 г.

Об авторах

Мышкина Альбина Федоровна

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Российская Федерация, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Исаев Юрий Николаевич

доктор филологических наук, доцент, директор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Российская Федерация, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6354-4676>, isaev2828@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Kozmina E. Yu. Robinzonada kak raznovidnost' geograficheskogo romana priklyuchenii [Robinsonada as a type of geographical adventure novel]. *Vestnik Bryanskogo universiteta* = The Bryansk State University Herald, 2016, no. 4 (30), pp. 136–140. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/robinzonada-kak-raznovidnost-geograficheskogo-romana-priklyucheniy> (accessed 05.12.2024). (In Russ.).

2. Volkov A. R., Popov Yu. I. Russkie robinzonady XIX veka [Russian Robinsonades of the 19th century]. *Voprosy russkoi literatury* = Questions of Russian literature. Lvov, Vishcha shkola Publ., 1987, iss. 2 (50), pp. 112–119. (In Russ.).

3. Kozmina E. Yu. Invariant fantasticheskoi robinzonady [Invariant of Fantastic Robinsonade]. *Nauchnyi dialog*, 2017, no. 8, pp. 169–178. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-169-178>

4. Kozmina E. Yu. Zhanr robinzonady v avanturno-filosofskoi fantastike KhKh veka (“Tunnel' v nebe” R. Khainlaina) [The genre of Robinsonade in the adventurous philosophical science fiction of the twentieth century (Tunnel in the Sky by R. Heinlein)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* = Culture and Civilization, 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 237–247. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30738587> (accessed 06.12.2024). (In Russ.).

5. Moretti F. Dal'nee chtenie [Far Reading]. Translated from English by A. Vdovin, O. Sobchuk, A. Sheli ; Scientific editor by I. Kushnarev. M., Gaidar Institute Publishing House, 2016, 352 p. (In Russ.).

6. Komarova E. V. Dal'nevostochnaya khudozhestvennaya literatura kak istochnik izucheniya etnicheskikh kul'tur [Far Eastern fiction as a source for studying ethnic cultures]. *Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi nauchnoi biblioteki* = Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library, 2023, no. 1 (98), pp. 92–100. Available at: <https://elibrary.ru/znenmg> (accessed 05.12.2024). (In Russ.).

7. Gordeeva E. M. Roman-idilliya A. P. Chudakova “Lozhitsya mgla na starye stupeni” kak sovremennaya robinzonada [A. P. Chudakov's Novel-idyll ‘Haze Lies on Old Steps’ as a Modern Robinsonade]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = Pushkin Leningrad State University Journal, 2015, vol. 1, no. 3, pp. 38–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-idilliya-a-p-chudakova-lozhitsya-mgla-na-starye-stupeni-kak-sovremennaya-robinzonada> (accessed 05.12.2024). (In Russ.).

8. Goncharova V. D. Fantasticheskiy variant syuzheta “robinzonady” v povesti S. Luk"yanenko “Rytsari soroka ostrovov” [Fantastic variant of the plot of “robinsonade” in the story “Knights of Forty Islands” by S. Lukyanenko]. *Molodoi issledovatel': vyzovy i perspektivy: sbornik statei po materialam CCCXII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Young Researcher: Challenges and Prospects: collection of articles based on the materials of the CCCXII International Scientific and Practical Conference. M., 2023, pp. 56–61. (In Russ.).

9. Kozmina E. Yu. A Fantasticheskiy variant romana-robinzonady [Fantastic Version of the Robinsonade Novel]. *Shkola teoreticheskoi poetiki: sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu Natana Davidovicha Tamarchenko* = School of Theoretical Poetics: Collection of Scientific Papers for the 70th Anniversary of Nathan Davidovich Tamarchenko. Editors and compilers V. I. Tyupa, O. V. Fedunina. M., 2010, pp. 214–223. (In Russ.).

10. Litvinenko N. A. “Robinsonada” v romane Robera Merlya “Mal'vil” [The “Robinsonada” in the novel Malevil by Robert Merle]. *Khudozhestvennoe osmyslenie deistvitel'nosti v zarubezhnoi literature: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* = Artistic understanding of reality in foreign literature: Interuniversity collection of scientific papers, Moscow State Regional University, M., 2015, pp. 67–76. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=vdlaoop> (accessed 06.12.2024). (In Russ.).

11. Kharlamov A. V. Vliyaniye “Robinzona Kruzo” Defo na tvorchestvo Strugatskikh (“Obitaemyi ostrov”, “Malysh”, “Paren' iz preispodnei”) [The influence of Defoe's “Robinson Crusoe” on the work of the Strugatskys (“Inhabited Island”, “The Kid”, “The Guy from the Underworld”)]. *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii: materialy VIII Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* = Youth of the XXI century: education, science, innovation. Proceedings of the VIII All-Russian student scientific and practical conference with international participation, Novosibirsk, 2019, pp. 138–139. (In Russ.).

12. Isaev Yu. N., Myshkina A. F. “Universal'naya tema” i “brodyachii syuzhet” v literature: nekotorye razmyshleniya o zaimstvovaniyakh i original'nosti natsional'noi literatury [The “universal theme” and the “wandering plot” in literature: some reflections on borrowing and the originality of national literature]. *Razvitie obrazovaniya* = Development of Education, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 29–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31483/r-107168>

13. Istoriya chuvashskoi literatury XX veka. Chast' 2 (1956–2000 gody): kollektivnaya monografiya [History of Chuvash Literature of the 20th Century. Part 2 (1956–2000): collective monograph]. Ed. by A. F. Myshkina, Cheboksary, Chuvash. book Publishing House, 2017, 432 p. (In Russ.).

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 14.03.2025.

About the authors

Albina F. Myshkina

Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Research Fellow in the Philological Direction, Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary 428015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru

Yury N. Isaev

Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Director, Chuvash State Institute of Humanities (29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary 428015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6354-4676>, isaev2828@yandex.ru

All authors have read and approved the final manuscript.